

Петров Василий Борисович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры социально-культурных
технологий и иностранных языков
Уральского государственного
лесотехнического университета

Мусийчук Мария Владимировна

доктор философских наук, профессор кафедры
психологии Института гуманитарного образования
Магнитогорского государственного технического
университета имени Г.И. Носова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ: МОРФОЛОГИЯ СТРАХА В ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО»

Аннотация:

В статье рассматривается эмоциональное состояние страха на примере повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского». Пристальный интерес и недостаточная изученность этого феномена являются основанием исследований не только в сугубо клинической и психологической практике, но и в литературном дискурсе. Творчество Л. Андреева в силу личностных особенностей автора и его творческих пристрастий (склонность к всевозможным психологическим экспериментам) представляет богатый материал для исследования различных психических феноменов. В повести «Жизнь Василия Фивейского» традиционная для житийной литературы тема испытаний и нравственного подвига претерпевает качественные изменения, поскольку само бытие героев роковым образом предопределено. Отсюда берет свое начало их экзистенциальный страх перед жизнью, перед невозможностью самореализоваться и исполнить, как им кажется, предначертанное. Рассмотрение феномена страха в повести «Жизнь Василия Фивейского» позволило в яркой художественной форме не только вскрыть внешние симптомы и глубинный механизм воздействия этого переживания на личность, но и определить его последствия. Исследование эмоций в литературном дискурсе дает возможность выявить своеобразие художественного психологизма отдельных авторов и вместе с тем глубже осмыслить саму структуру эмоциональных состояний.

Ключевые слова:

Леонид Андреев, «Жизнь Василия Фивейского», эмоция, эмоциональное состояние, морфология страха, экзистенция, литературный дискурс.

Petrov Vasily Borisovich

D.Phil. in Philology, Professor,
Department of Social
and Cultural Technologies
and Foreign Languages,
Ural State Forest Engineering University

Musiychuk Maria Vladimirovna

D.Phil., Professor,
Psychology Department,
Institute for the Humanities,
Magnitogorsk State Technical University

THE REPRESENTATION OF EMOTIONAL STATES IN LITERARY DISCOURSE: MORPHOLOGY OF FEAR IN THE STORY "THE LIFE OF VASILY FIVEYSKY" BY L. ANDREYEV

Summary:

The paper discusses the emotional state of fear by a case study of the story "The Life of Vasily Fiveysky" by L. Andreyev. The keen interest in and the lack of knowledge of this phenomenon are the reason for studying fear not only in purely clinical and psychological practice but also in literary discourse. The works of Leonid Andreyev due to the personal characteristics of the author and his creative preferences (propensity for all kinds of psychological experiments) provide a wide range of materials for consideration of various mental phenomena. The theme of challenges and moral feat that is typical for everyday literature has been qualitatively changed in the story "The Life of Vasily Fiveysky" by L. Andreyev, as the very existence of heroes is fatally predetermined. This generates their existential fear of life, the impossibility to fulfill themselves and fulfill, as they think, their destiny. The research on the above-mentioned phenomenon allows one to reveal the external symptoms and the deep mechanism of the impact of this experience on the person and determine its effects in a vivid artistic form as well. The study of emotions in literary discourse makes it possible to identify the original artistic psychology of individual authors and realize the structure of emotional states.

Keywords:

Leonid Andreyev, "The Life of Vasily Fiveysky", emotion, emotional state, morphology of fear, existence, literary discourse.

Эмоциональная модальность, способствующая адаптации личности к жизненным ситуациям, на протяжении многих столетий находится в поле зрения представителей разных наук. Рассматривая эмоциональные состояния, обладающие специфическими формами переживания, К. Изард выделяет десять базовых эмоций [1]. При этом в качестве фундаментальной эмоции человека, характеризующей особое восприятие происходящего, определяется страх – эмоция, неразрывными узами связанная «со всей историей человечества» [2, с. 299].

Актуальность исследования психического феномена страха человека в литературном дискурсе обусловлена, с одной стороны, пристальным вниманием к нему не только отечественных

(А. Захаров, Л. Выготский, О. Кузнецов, Н. Левитов, А. Леонтьев, Е. Новикова и др.) и зарубежных (А. Адлер, У. Джемс, К. Изард, Ф. Перлз, Д. Уотсон, С. Холл и др.) психологов, но и мастеров художественного слова (Н. Гоголь, Э. Гофман, Ф. Достоевский, А. Камю, Ф. Кафка, О. Уайльд и др.); с другой стороны – недостаточной изученностью этого эмоционального состояния. Несмотря на исследования медиков [3] и психологов [4], социологов [5] и философов [6], структура этого сложного переживания рассматривается исследователями во многом умозрительно.

Выдающийся польский психиатр и философ Антон Кемпински однажды заметил: «Страх в мире человеческих переживаний – явление столь распространенное и имеет столько разных оттенков, что трудно решиться не только на попытку его объяснения, но даже его рациональной классификации» [7, с. 123]. При этом справедливой представляется позиция Б. Теплова, который полагает, что недостающие эмпирические знания способна восполнить художественная литература [8, с. 306]. Тем более что «...литература – наиболее благодатный материал для психологического анализа» [9, с. 236]. Если в произведениях Софокла и Эврипида рождаются образы, воплотившие характерные черты и давшие наименование психическим комплексам Эдипа и Медеи, Ореста и Электры (трагедии «Царь Эдип», «Медея», «Орест», «Электра»), то в творчестве Леонида Андреева нашел яркое художественное воплощение феномен страха.

Психологизм творчества Л. Андреева (именно он ввел в литературоведение термин «панпсихизм») обнаруживает себя в неизменном стремлении автора к всевозможным психологическим экспериментам. Однако трудно согласиться с точкой зрения К. Чуковского о том, что у каждого из героев Л. Андреева «своя специальность, своя монополия на какое-нибудь одно переживание, которое он исчерпает до конца и которое больше ни у кого из героев Андреева не повторится» [10, с. 192]. Почти всех своих героев писатель погружает в атмосферу одиночества, которая обостряет их трагическое мироощущение и эмоциональное состояние, их страх и отчаяние, их неспособность противостоять фатальному концу. Не случайно Л. Андреев, трижды пытавшийся покончить с собой, пишет в своем дневнике: «...ежечасное ожидание смерти и страх ее, томительный и непрерывный, стоящий вне воли и сознания» [11, с. 51]. И если медики [12] и отдельные русские [13] и зарубежные [14] исследователи, учитывая факты личной биографии писателя (попытки суицида), акцентировали внимание на отражении в болезненных состояниях андреевских героев ощущений, физического, эмоционального и психического состояния автора [15], то подавляющее большинство российских литературоведов отмечают мастерство психологического анализа [16].

Фобии (от др.-греч. φόβος – ‘страх’) с разной степенью эмоциональной модальности (интенсивности, глубины и длительности) пронизывают все произведения писателя. Для удобства текстового анализа введем индекс словоупотребления астенической эмоции (ИСАЭ), который целесообразно определять по формуле: $ИСАЭ = КСАЭ \times 100 \div КС$, где КСАЭ – количество словоупотреблений астенической эмоции, а КС – количество слов в тексте. Если обратиться к текстам повестей художника, то индекс словоупотребления эмоций беспокойства, тревоги, испуга, боязни, страха, трепета, ужаса (по степени возрастания признака) в наибольшей степени проявляется в повести «Жизнь Василия Фивейского». При этом доминирующей становится эмоция страха: в «Моих записках» ИСАЭ страха составляет на единицу текста 0,02, в «Иуде Искариоте» – 0,13, «Рассказе о семи повешенных» – 0,24, «Красном смехе» – 0,28, «Жертве» – 0,29, в «Жизни Василия Фивейского» – 0,42.

Рассматривая ситуации, провоцирующие возникновение страха, А. Кемпински подразделяет их на четыре группы: 1) «связанные с непосредственной угрозой жизни», 2) обусловленные «социальной угрозой», 3) продиктованные «невозможностью осуществления собственного выбора активности», 4) вызванные «нарушением существующей структуры взаимодействия с окружающим миром» [17, с. 129]. В повести «Жизнь Василия Фивейского» преобладают последние две. Традиционная для житийной литературы тема испытаний и нравственного подвига претерпевает здесь качественные изменения, поскольку само бытие героев роковым образом предопределено. Отсюда берет начало экзистенциальный страх главного героя перед жизнью, перед невозможностью самореализоваться и исполнить, как ему кажется, предназначение.

Уже начало повести предвещает неизбежность ее трагического конца: «Над всей жизнью Василия Фивейского тяготел суровый и загадочный рок» [18, с. 214]. И это «неведомое проклятье» порождало «бремя печали, болезней и горя». Все это наряду с естественным «активатором страха» [19, с. 298] – одиночеством («Среди людей он был одинок, словно планета среди планет...» [20, с. 214]) становится основой самого разрушительного для психики героя экзистенциального страха – страха перед неизвестностью [21]. Этот страх вызывает у отца Василия иллюзорные ощущения: «...казалось, воздух, губительный и тлетворный, окружал его, как невидимое прозрачное облако» [22, с. 214].

Поначалу отец Василий старался (именно старался) не замечать бедствий, постоянно сопровождающих его одинокую жизнь. Он жил, словно шел по проторенной дорожке: отец был захолустным священником, покорным и терпеливым, и Василий, терпеливый и покорный, женился и стал

деревенским священником. Смерть сына становится началом череды роковых несчастий не только для самого священника, но и для всей его семьи. Андреев детально описывает душевное состояние супруги отца Василия, которая «навсегда запомнила простую и страшную картину человеческой смерти: и тягучие, глухие стук своего сердца, как будто каждый удар его был последним...» [23, с. 215]. Теперь в душе попадаи поселяются чувства **одиночества** («...двигались знакомые, простые, но теперь обособленные и точно отодранные от земли фигуры людей...», не воспринималась «оборванность смутных речей» [24]), **страха** («...на всю жизнь почувствовала она страх к ярким солнечным дням» [25]) и **обиды** («Господи, возьми мою жизнь, но отдай мое дитя!» [26]).

Постепенно страх, поселившийся в доме священника, становится тотальным. Он подчиняет себе все дела и помыслы персонажей («Скоро и все в доме о. Василия стали бояться ярких летних дней... Все домочадцы о. Василия со страхом глядели на попадью...» [27]). И хотя не все базовые эмоции обладают характерными признаками (К. Изард), страх отчетливо репрезентирует себя изменениями в голосе, выражении глаз, поведении героев. Так, вскоре после похорон все в доме священника «умышленно громко разговаривали и смеялись», а попадьа «...смотрела в глаза пристально и странно, ...и вяло бродила по дому, отыскивая какие-нибудь вещи: ключи, или ложку, или стакан». И хотя «все вещи... старались класть на виду, но она продолжала искать и искала все упорнее, все тревожнее...» [28]. Даже шестилетняя дочь Настя, на сердце которой «уже легла черная тень грядущего, ...исподлобья, с тоскою оглядывала сад» [29].

Воспоминания о сыне «зацикливают» сознание героини и постепенно доводят ее сначала до пьянства, затем до безумия. Причем это безумие оказывается заразным, и вот уже Настя, подобно утонувшему Васеньке, «наказывает кукол». Л. Андреев словно проникает в сознание своих персонажей. Он детально описывает динамику перехода нервного расстройства попадьи в сумасшествие, а то, что погибшего сына звали так же, как и его отца, – Василием, воспринимается автором и главным героем в качестве рокового предзнаменования.

Одним из центральных в повести Л. Андреева становится мотив безумия. Первоначально этот мотив звучит применительно к попадье, у которой под влиянием стресса срабатывает программа защитной, адаптационной реакции, сопровождающейся испугом, гневом, решимостью что-то предпринять. И тогда на фоне «чудовищных грез, рожденных алкоголем» у нее «явилась безумная мысль: родить нового сына, и в нем воскреснет безвременно погибший» [30, с. 221]. «Безумная надежда», «безумные речи» обернулись безумием поступков («Само безумие стояло у дверей» [31]). Олицетворением метафизического страха в повести становится ребенок-урод («В безумии зачатый, безумным явился он на свет» [32, с. 224]). Страшный образ полурбенка-полужверя становится психологической доминантой для автора и его героев. И вот уже попадьа «в охватившем ее безумии» [33, с. 230] бьется головой, рвет на себе платье, порываясь бежать куда-то.

Тщетно отец Василий стремится наполнить смыслом происходящее, пытается подвести логические основания под все беды и страдания, выпавшие на его долю. Страх от непонимания причин побуждает героя искать конкретный источник угрозы, в качестве которой священнику первоначально представляется сельский староста Иван Порфирыч – богатый, грубый, гордый и самонадеянный («...все это делало старосту страшным и необыкновенным в глазах запуганного попа» [34, с. 215]). Однако постепенно в сознании отца Василия зловещая реальность сталкивается с традиционными библейскими догматами («По вере вашей да будет вам» (Мф. 9:29)).

Страх, порожденный хроническим стрессом от осознания своего одиночества, отчаяние и стремление понять смысл событий (смерть сына; пьянство, безумие и смерть жены; рождение сына-идиота; дочь Настя, повторяющая перед зеркалом гримасы брата) побуждают героя искать духовную и душевную опору. И точкой опоры ему представляется вера. В неистовстве «молитвенно» поднимает он к небу «маленькие, ввалившиеся, черные, как уголь» глаза, смыкает «железные челюсти» и громко, отчетливо, словно «кого-то страстно убеждая и предостерегая», произносит: «Я – верю. <...> Я – верю» [35, с. 215]. Но очевидно, что убеждает и предостерегает герой прежде всего себя. Впоследствии это стремление убедить самого себя выливается в раздвоение личности: с одной стороны – скептик, сомневающийся в божьем промысле, с другой – истинно верующий. После кончины «безумной и жалкой» попадьи «– Нет! Нет! – заговорил поп громко и испуганно. – Нет! Нет! Я верю. Ты прав. Я верю», а затем «пал на колени», «приник лицом к залитому полу» и «с восторгом беспредельной униженности, изгоняя из речи своей самое слово “я”, сказал: – Верую!» [36, с. 255–256].

Горечь утраты становится для отца Василия стимулом к осмыслению окружающего миропорядка и своего места в нем. И тогда на первый план выходит страх от ощущения бессмысленности своего существования. Несчастья, выпавшие на долю отца Василия и его семьи, являются эмоциональным фактором и порождают экзистенциальный страх перед непостижимым. Справедливой в данном случае представляется точка зрения Д. Хебба, который полагает, что «...страх отличается от других эмоций характером процессов, стремящихся восстановить равновесие...» [37]. В попытках

найти объяснение происходящему, в стремлении обрести равновесие и смысл своего существования отец Василий мысленно обращается к истории библейского Иова, которого Бог «отдал сатане на испытание, а потом сторицею вознаградил за все муки» [38, с. 218], и там, где раньше священник видел «хаос и злую бессмыслицу», теперь «был начертан верный и прямой путь»: «Всю жизнь его бог обратил в пустыню, но лишь для того, чтобы не блуждал он по старым, изъезженным дорогам..., а в безбрежном и свободном просторе ее искал нового и смелого пути. <...> Он избран» [39, с. 257].

Мысль об избранничестве становится для отца Василия избавлением, «...внезапное и полное освобождение от длительного и интенсивного страха активизирует радость...» [40, р. 290], придает сакральный смысл всем страданиям: «Пусть под ногами его разверзнется земля и ад взглянет на него своими красными, лукавыми глазами, он не поверит самому аду. Он избран» [41, с. 257]. «Будничное существование» отныне казалось «целеустроенным» [42, с. 42]; мелкие и даже крупные неприятности воспринимались лишь как испытания в мире «божественной справедливости», а сам священник стал истово блюсти церковные заповеди. Даже соседство сына-идиота не могло поколебать веры: «– Па-па, бормотал идиот недавно узнанное слово и исподлобья сердито и тревожно глядя на отца. Но человек не слышал и молчал... Он грезил дивными грезами светлого, как солнце, безумия; он верил – верю тех мучеников, что всходили на костер, как на радостное ложе...» [43, с. 266]. Андреевский герой подобен «рыцарю веры», который «отрекается в отношении всеобщего, чтобы стать единичным индивидом. <...> С человеческой точки зрения он безумен...» [44]. Именно таким он видится прихожанам.

Жития святых – это всегда преодоление испытаний, наградой за которые становится избранничество. Но «Жизнь Василия Фивейского» – это профанное житие, авторский спор и вызов библейской традиции. Первым предупреждением грядущего разочарования героя становится неуместный по сути и безумный по форме диалог священника с сыном в финале главы X:

«– Па-па! Па-па! <...>

И о. Василий <...> сурово спрашивает идиота:

– Ты что бурчишь там?

Но идиот молчит, и, еще раз с недоверием взглянув на него, о. Василий <...> остановился <...> и возопил:

– Верую, господи! Верую!

И тихо стало. И громкий скачущий хохот прорвал тишину, ударил в спину попа – и со страхом он обернулся.

– Ты что? – испуганно спросил он, отступая» [45, с. 269].

Во время отпевания погибшего Семена Мосягина отец Василий (во многом под влиянием описанных в главе X евангельских чудес) вдруг почувствовал нечто «огромное, неожиданно радостное, неожиданно прелестное» и сразу понял: «Это оно! Оно – могучее, все разрешающее чувство, повелевающее над жизнью и смертью...» [46, с. 279]. Решив, что наградой за все «испытания» будет возможность воскресить покойного, священник «остановился, поднял повелительно правую руку и торопливо сказал разлагающемуся телу:

– Тебе говорю, встань! <...> Тебе говорю, встань! <...> Семен! Тебе говорю, встань!» [47, с. 281]. Но... тщетно. И в это мгновение страх перед непостижимым возвращается с новой силой. Но теперь уже страх соседствует с гневом: «Так зачем же ты дал мне любовь к людям и жалость – чтобы посмеяться надо мною? <...> – Не хочешь? – спрашивает он все так же тихо и смиренно и внезапно кричит бешеным криком, выкатывая глаза... И в диком гневе он хрипит: – Напугать! Так вот же... <...> с диким ревом он бежит к дверям. Но не находит их и мечется, и бьется о стены, об острые каменные углы – и ревет» [48, с. 282–284]. Переживаемые героем страх и гнев «искажают восприятие» [49, с. 430] («О. Василий открывает ослепленные глаза, поднимает голову вверх и видит: падает все. Медленно и тяжело клонятся и сближаются стены, сползают своды, бесшумно рушится высокий купол, колышется и гнется пол – в самых основах своих разрушается и падает мир» [50, с. 283]) и **выражаются «криком, стремлением к бегству...»** [51, с. 105]. Кстати, «бегство и агрессия, а также соответствующие им чувства страха и ненависти стоят очень близко друг к другу, а часто вообще неразделимы» [52, с. 125]. К. Изард, говоря о последствиях проявления эмоционального состояния страха, справедливо отмечает, что он «в буквальном смысле может лишить человека жизни...» и «... испуганный человек может либо оцепенеть на месте, либо обратиться в бегство» [53, с. 312, 315]. Бегством, оцепенением и смертью и заканчивается повествование о жизни Василия Фивейского.

По мнению Л. Андреева, правда жизни требует от художника психологической мотивировки, ибо «...нет правды психологической там, где нет ясного обоснования, мотивировки...» [54]. Художественное воображение писателя позволяет автору перевоплотиться, эмоционально слиться со своими героями, последовательно прослеживая развитие эмоционального состояния страха: от настороженности и беспокойства к тревоге, страху и ужасу и, наконец, к панике и гневу. При этом поведение андреевских героев в стрессовой ситуации красноречиво свидетельствует

о двух типах эмоциональной реакции, подмеченной еще Гиппократом: депрессивной (от лат. *depressio* – ‘подавление’, ‘понижение’) и маниакальной (от греч. *mania* – ‘безумство’, ‘восторженность’). И если смерть сына вызывает у попады глубокую депрессию, то в экзатических, «пиковых» (термин А. Маслоу) переживаниях отца Василия попеременно сменяют друг друга безумство и восторг (от мысли о «своей миссии»).

Итак, исследование морфологии страха на материале повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» позволяет сделать следующие выводы.

1. Творчество Леонида Андреева в силу личностных особенностей и творческих пристрастий художника представляет богатый материал для исследования психических феноменов (психических эмоционально-волевых процессов, психических состояний).

2. Рассмотрение феномена страха в повести «Жизнь Василия Фивейского» позволило в яркой художественной форме не только вскрыть внешние симптомы и глубинный механизм воздействия этого переживания на личность, но и определить его личностные последствия.

3. Исследование эмоций в литературном дискурсе дает возможность выявить своеобразие художественного психологизма отдельных авторов и вместе с тем глубже осмыслить саму структуру эмоциональных состояний.

Ссылки:

1. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 2007. 464 с.
2. Вэлэнс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека / под ред. П.С. Гуревича. М., 1993. С. 297–306.
3. Щербатых Ю.В., Ивлева Е.В. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. М., 1998. 282 с.
4. Hebb D.O. On the Nature of Fear // *Psychological Review*. 1946. Vol. 53, iss. 5. P. 259–276. <https://doi.org/10.1037/h0061690>.
5. Витковская М.И. Теоретико-методологические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 86–91.
6. Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. 287 с.
7. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия / пер. с пол. А.А. Боричева. М.; СПб., 1998. 320 с.
8. Теплов Б.М. Избранные труды : в 2 т. М., 1985. Т. 1. 329 с.
9. Ананьев Б.Г. Задачи психологии искусства // Художественное творчество : сборник. Л., 1982. С. 236–242.
10. Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 6 / предисл. и коммент. Е. Ивановой. 2-е изд., испр. М., 2012. 624 с.
11. Андреев Л.Н. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб., 1994. 598 с.
12. Галант Б.И. Психопатический образ Леонида Андреева // Клинический архив гениальности и одаренности (европатология), посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества / под ред. д-ра Г.В. Сегалина. Т. 3. Свердловск, 1927. С. 147–166.
13. Михеичева Е.А. Феномен самоубийства в «раннем» творчестве Л. Андреева // Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 2. С. 149–154.
14. Kaun A. Leonid Andreyev: A Critical Study. N. Y., 2013. 372 p.; White F.H. *Memoirs and Madness: Leonid Andreev through the Prism of the Literary Portrait*. Montreal, 2006. 346 p.; Woodward J.B. *Leonid Andreyev: A Study*. Oxford, 1969. 290 p.
15. White F.H. *Degeneration, Decadence and Disease in the Russian Fin de siècle. Neurasthenia in the Life and Work of Leonid Andreev*. Manchester, 2014. 304 p.
16. Бугров Б.С. Леонид Андреев. Проза и драматургия. М., 2000. 111 с.; Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева 1892–1906. Л., 1976. 239 с.; Михеичева Е.А. О психологизме Леонида Андреева М., 1994. 189 с.; Ясенский С.Ю. Особенности психологизма в прозе Л. Андреева 1907–1911 годов // Творчество Леонида Андреева: исследования и материалы. Курск, 1983. С. 35–44.
17. Кемпински А. Указ. соч. С. 129.
18. Андреев Л. Повести и рассказы. М., 1957. 524 с.
19. Изард К.Э. Указ. соч. С. 298.
20. Андреев Л. Указ. соч. С. 214.
21. Кьеркегор С. Страх и трепет : пер. с дат. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2010. 488 с.
22. Андреев Л. Указ. соч. С. 214.
23. Там же. С. 215.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же. С. 221.
31. Там же.
32. Там же. С. 224.
33. Там же. С. 230.
34. Там же. С. 215.
35. Там же.
36. Там же. С. 255–256.
37. Hebb D.O. Op. cit.
38. Андреев Л. Указ. соч. С. 218.
39. Там же. С. 257.
40. Tomkins S.S. *Affect, Imagery, Consciousness*. Vol. I. *The Positive Affects*. N. Y., 1962. 522 p.

41. Андреев Л. Указ. соч. С. 257.
42. Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость. М., 2010. 528 с.
43. Андреев Л. Указ. соч. С. 266.
44. Кьеркегор С. Указ. соч.
45. Андреев Л. Указ. соч. С. 269.
46. Там же. С. 279.
47. Там же. С. 281.
48. Там же. С. 282–284.
49. Маслоу А. Пиковые переживания // Психология мотивации и эмоций : хрестоматия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М., 2009. С. 424–434.
50. Андреев Л. Указ. соч. С. 283.
51. Джеймс У. Эмоция // Психология мотивации и эмоций. С. 91–107.
52. Кемпински А. Указ. соч. С. 125.
53. Изард К.Э. Указ. соч. С. 312, 315.
54. Андреев Л.Н. Театральные очерки. Письма о театре [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/andreev_l_n/text_2020.shtml (дата обращения: 18.07.2018).

References:

- Ananiev, BG 1982, 'Tasks of the psychology of art', *Khudozhestvennoye tvorchestvo: sbornik*, Leningrad, pp. 236-242, (in Russian).
- Andreyev, L 1957, *Novels and stories*, Moscow, pp. 214-215, 218, 221, 224, 230, 255-257, 266, 269, 279, 281-284, (in Russian).
- Andreyev, LN 1994, *SOS. The Diary (1914-1919). Letters (1917-1919). Articles and interviews (1919). Memoirs of contemporaries (1918-1919)*, Moscow, St. Petersburg, 598 p., (in Russian).
- Andreyev, LN 2018, *Essays on theatre. Letters about theater*, viewed 18 July 2018, <http://az.lib.ru/a/andreev_l_n/text_2020.shtml>, (in Russian).
- Bugrov, BS 2000, *Leonid Andreev. Prose and drama*, Moscow, 111 p., (in Russian).
- Chukovsky, KI & Ivanova, E (ed.) 2012, *Collected works*, in 15 vols., vol. 6, 2nd ed., Moscow, 624 p., (in Russian).
- Galant, BI & Segalin, GV (ed.) 1927, 'Psychopathic image of Leonid Andreev', *Klinicheskiy arkhiv genial'nosti i odarennosti (evropatologiya), posvyashchenny voprosam patologii genial'no-odarennoy lichnosti, a takzhe voprosam patologii tvorchestva*, vol. 3, Sverdlovsk, pp. 147-166, (in Russian).
- Hebb, DO 1946, 'On the Nature of Fear', *Psychological Review*, vol. 53, iss. 5, pp. 259–276. <https://doi.org/10.1037/h0061690>.
- Iesuitova, LA 1976, *Works of Leonid Andreev of 1892-1906*, Leningrad, 239 p., (in Russian).
- Izard, CE 2007, *Psychology of emotions*, St. Petersburg, 464 p., (in Russian).
- James, W, Gippenreiter, UB & Falikman, MV (eds.) 2009, 'Emotion', *Psikhologiya motivatsii i emotsiy: khrestomatiya*, Moscow, pp. 91-107.
- Kaun, A 2013, *Leonid Andreev: A Critical Study*, New York, 372 p.
- Kempinski, A & Borichev, AA (transl.) 1998, *Existential psychiatry*, Moscow, St. Petersburg, 320 p., (in Russian).
- Kierkegaard, S 2010, *Fear and trembling*, 2nd ed., Moscow, 488 p., (in Russian).
- Maslow, A, Gippenreiter, UB & Falikman, MV (eds.) 2009, 'Peak experiences', *Psikhologiya motivatsii i emotsiy: khrestomatiya*, Moscow, pp. 424-434, (in Russian).
- Mikheicheva, EA 1994, *On the psychologism of Leonid Andreev*, Moscow, 189 p., (in Russian).
- Mikheicheva, EA 2012, 'The phenomenon of suicide in the early works of L. Andreev', *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 149-154, (in Russian).
- Nietzsche, F 2010, *The joyful wisdom*, Moscow, 528 p., (in Russian).
- Shcherbatykh, YuV & Ivleva, EV 1998, *Psychophysiological and clinical aspects of fear, anxiety and phobias*, Moscow, 282 p., (in Russian).
- Svendsen, L 2010, *Philosophy of fear*, Moscow, 287 p., (in Russian).
- Teplov, BM 1985, *Selected works*, in 2 vols., Moscow, vol. 1, 329 p., (in Russian).
- Tomkins, SS 1962, *Affect, Imagery, Consciousness*, vol. I. The Positive Affects, New York, 522 p.
- Vitkovskaya, MI 2003, 'Theoretical and methodological issues of studying fear in sociology', *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, no. 4-5, pp. 86-91, (in Russian).
- Waelhens, A & Gurevich, P (ed.) 1993, 'Notes on the concept of fear in modern philosophy', *Fenomen cheloveka*, Moscow, pp. 297-306, (in Russian).
- White, FH 2006, *Memoirs and Madness: Leonid Andreev through the Prism of the Literary Portrait*, Montreal, 346 p.
- White, FH 2014, *Degeneration, Decadence and Disease in the Russian Fin de siècle. Neurasthenia in the Life and Work of Leonid Andreev*, Manchester, 2014. 304 p.
- Woodward, JB 1969, *Leonid Andreev: A Study*, Oxford, 290 p.
- Yasensky, SYu 1983, 'Peculiarities of psychologism in Andreev's prose of 1907-1911', *Tvorchestvo Leonida Andreeva: issledovaniya i materialy*, Kursk, pp. 35-44, (in Russian).